

Мещеряков Александр Юрьевич, студент
Исторический факультет
Астраханский государственный университет
daomesheryakov@gmail.com

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ГОРОДА КИТАЯ И РОССИИ: ПРОБЛЕМА ФРОНТИРНОЙ ТИПОЛОГИИ¹

УДК 008.001

Аннотация. В статье автор рассматривает понятие «фронтирный город» в рамках фронтирной и постколониальной теорий. В современной исторической науке фронтир – пространство, где два культурных ландшафта перетекают друг в друга и образуют культурную гибридность. Автор анализирует явления культурной гибридности на примере фронтирных городов Харбина, Благовещенска – Хэйхэ, Кяхты – Маймачена, Даляня и др. Понятия фронтир и фронтирный город не сводится только к защитной функции, а диктуется самим характером гибридности пространства в новых условиях.

Ключевые слова и фразы: фронтир, фронтирный город, культурная гибридность, межкультурная коммуникация, пиджин, креольский язык.

Alexander Meshcheryakov, student
Faculty of History
Astrakhan State University
daomesheryakov@gmail.com

TRANSBOUNDAR CITIES OF CHINA AND RUSSIA: PROBLEM OF FRONTIER TYPOLOGY

Abstract. In the article, the author considers of the concept of «frontier city» in the framework of frontier and postcolonial theories. In contemporary historical science, the frontier is a space where two cultural landscapes flow into each other and form a cultural hybrid. The author analyzes the phenomena of cultural hybridity on the example of the frontier cities of Harbin, Blagoveshchensk-Heihe, Kyakhta-Maymachan, Dalian, etc. The notion of a frontier and a frontier city is not only a protective function, but dictated by the very nature of the hybrid nature of space under the new conditions.

Key words and phases: frontier, frontier city, cultural hybridity, cultural encounters, pidgin, creole.

Фронтир – особое пространство порубежья или «зарубежья», так как находится за некой границей обжитой территории. Фронтир – это и сама граница, и то, что находится за ней. Фронтир является историческим процессом и одновременно определенным пространством, отличное от пространства основного – метрополии [30, с. 7–32]. В современной науке фронтирная теория (Frontier Thesis) или «теория Тёрнера» (Turner Thesis) сводится не только к анализу исторических процессов, не менее продуктивной сегодня фронтирная теория является и в отношении понимания многих вопросов культуры, экономики и политики территорий, подпадающих под определение «фронтира» [29, с. 288–298]. С этой точки зрения, фронтир – это особое состояние лиминальности, в котором культурные процессы принимают совер-

¹ Статья выполнена при поддержке РФФИ 17-33-01069 «Встреча с Чужим: российский и дальневосточный опыт межкультурной коммуникации».

шенно новые формы, отличные от мейнстримного общества [33, с. 9–21]. В течении многих веков интенсивные межкультурные коммуникации являлись прерогативой фронтальных территорий, где сталкивались люди разной этнической принадлежности. Кросс-культурные отношения на фронтире, представлявшем собой территорию подвижной границы, отличаются особой спецификой и сложностью. Под фронтиром понимается особая система межкультурных коммуникаций, которая возникает на пространстве соприкосновения различных культур [23, с. 266–271]. Понятие фронтир обозначает два противоположных отношения – первое к Своему, второе к Другому/Чужому. Не случайно, немецкий историк Ева-Мария Штольберг указывает, что границы – это зоны, в которых групповая идентичность формируется, преобразуется и уничтожается. Это территории создания и разрушения [40].

Колонизация новых земель на российско-китайском фронтире проходила очень активно, зона вновь колонизируемых земель постоянно сдвигалась. На новых территориях возникали фронтальные поселения – острог, форт, отдельные зимовья и города.

Фронтальный город в течении своего исторического развития имеет особую функцию. В истории Америки такие города, как Лос-Анджелес и Сан-Франциско рано сформировались как крупные города и не утратили фронтального характера. Также ярким примером фронтального поселения является Астрахань – город на Юге России, где в процессе его исторического развития смешивались и продолжают смешиваться различные этносы, языки, религии и мн. др. [13, с. 57–60] – один фронтир вытеснялся другим, накладывался на другой. Население Астрахани инкорпорировало европейские традиции и сохраняло черты азиатского города. В этих условиях роль фронтального города менялась. Из форпоста, крепости Астрахань превратилась в административный центр, стены города сносили за ненадобностью.

Нашей целью в данной статье является рассмотреть особенности приграничных городов на российско-китайском фронтире. Роль городов в освоении фронтальных территорий хорошо описана в российской и зарубежной литературе, но при всем этом данный вопрос нельзя считать закрытым, так как в современной исторической науке повышенную роль следует уделять не самому городу как центру фронтальной территории, а культурно-историческим процессам, которые происходили внутри урбанистического ландшафта. Методологией данной работы является фронтальная и постколониальная теории. Изучение территории с точки зрения фронтальной теории позволяет использовать многочисленные методологические наработки американской истории и антропологии применительно к истории Китая и России. В свою очередь применение понятия постколониальной теории – «культурная гибридность» позволяет проследить особенности функционирования культурных явлений внутри пространства фронтального города.

Культурная гибридность – это следствие взаимовлияния различных культур: межкультурного диалога, слияния рас и этносов, кросс-культурного взаимодействия. Она возникает в результате перемещения этноса на новую для них территорию, т.е. в пространство чужой цивилизации [13, с. 57–60].

В случае с китайским городом Харбином фронтальный характер современного урбанистического ландшафта сохраняется при условии, что граница там отсутствует. Харбин в истории России и Китая сформировался как город вне фронтального контекста. Фронтальный характер Харбина сохраняется за счет такого культурно-исторического явления как культурная гибридность. Мы уже писали про особенности процесса культурной гибридации в Харбине [12, с. 30–58].

Харбин потерял политическую, географическую, военную-административную функции для России. Но современный урбанистический ландшафт этого города полностью соответствует фронтальному городу – места, где в истории происходила встреча различных культур и их смешивание. В период российской и китайской колонизации главная функция фронтального города и поселения в фазе военного (активного) фронта – это закрепление за империей границы, охранительная функция и возможность дальнейшего переселения на неосвоенные территории.

Российский историк Якушенков С.Н. в своей работе [31, с. 171-178] указывает, что сегодня в современной исторической науке характеристики фронта не сводятся только к защитной функции, а диктуются самим характером гибридности пространства в новых условиях. Модель фронта как защита рубежей – это модель Советского государства, которое унаследовало старые архаичные подходы, свойственные для многих обществ. В современной исторической науке фронт – пространство, где два культурных ландшафта перетекают друг в друга и образуют культурную гибридность. У феномена приграничья, как и у границы нет предела, так как ни физическое, ни культурное пространство не заканчивается какой-либо чертой, пусть даже институциональной [Там же, с. 171–178].

По мнению английского теоретика истории культуры П. Бёрка приграничные территории, такие как приграничные города, можно охарактеризовать как перекресток торговли и культур, где встречаются и взаимодействуют различные этносы. Это «контактные зоны», также «торговые зоны», в которых процесс смешивания заканчивается созданием чего-то нового и отличного – культурной гибридности. Не случайно, что многие современные ученые часто говорят о «городах метисов» [34, с. 72–77].

Возникновение торгово-ремесленных центров – городов на российско-китайском фронтире было прежде всего результатом деятельности русских переселенцев. Новые города в условиях фронта можно представить, как «культурный сплав», где происходит радикальная трансформация традиционного образа жизни, занятости, досуга под воздействием новой территории. Фронтирному городу принадлежит важнейшая роль в благоустройстве и исторической эволюции конкретных территорий [6, с. 125–135].

Наиболее наглядно к числу подобных городов можно отнести Благовещенск – Хэйхэ. Географическое положение этих двух городов, разделенных р. Амур, по которой проходит российско-китайская граница, подчеркивает взаимосвязь развития российско-китайского фронта. Расположение в верховьях р. Амур, где ее ширина не так велика, как ниже по течению, дает городам преимущество постоянного визуального контакта. Будучи почти одинакового размера, эти города считаются самой густонаселенной российско-китайской парой приграничных городов [15, с. 506–512]. Благовещенск – Хэйхэ являются «городами-близнецами». Понятие «города-близнецы» (twin cities) применимо в отношении городов, разделенных внешней государственной границей. Изначально это понятие вошло в употребление в отношении американской пары городов Миннеаполис и Сент-Пол. Особенно широкое распространение понятие получило в Европейском Союзе начиная с 2000 г., когда «города-близнецы» преимущественно рассматривались как «лаборатории евроинтеграции» [14, с. 297–300]. Восприятие соседей в городах Благовещенск – Хэйхэ является неоднозначным по обе стороны границы. Китайцы, проживающие в российско-китайском приграничье, одновременно считают Россию значимым источником благ, поставщиком необходимых ресурсов для китайской промышленности, рынком сбыта китайских товаров и помнят, что русские появились в Северо-Восточной Азии относительно недавно и не раз стремились захватить китайскую территорию [2, с. 90–102]. В Хэйхэ сформировалось «коммерциализированное» представление о России как о стране, готовой в массовом количестве закупать китайские товары. Все вывески торговых точек в Хэйхэ написаны китайскими иероглифами и кириллицей. Указатели на улицах также дублируются на двух языках. Главная торговая улица носит название «улица российских товаров». Торговля в целом подстроена под российского покупателя [20, с. 86–92]. Отметим, что торговля в этих фронтирных городах в разные периоды времени отличалась. Так, например, в 1871 г. в Благовещенске можно было встретить маньчжуров, торгующих на благовещенской ярмарке мехами, маньчжурскими шапками, водкой, картинками, конфетами и мн. др. Примечательно, что самый продаваемый товар у американцев (искателей приключений из Калифорнии) на ярмарке являлась водка [11, с. 480–487]. В представлении жителей Хэйхэ российско-китайская граница становится условной, так как оба пространства начинают сужаться и синтезироваться – образуется гибридная культура, где границы идентичности стираются. В противоположность «западной» топонимике, выведе-

сок на китайском языке мало, причем они сконцентрированы в основном в районе таможни, а названия заведений китайской кухни не отражают приграничного положения Благовещенска: ресторан «Панда», кафе «Мистер Джеки» и ресторан «Гонконг». Если в центре Хэйхэ названия улиц продублированы на русском языке, то в Благовещенске найти подобного нельзя. На сегодняшний день жители Благовещенска идентифицируют себя больше с Западом, нежели с Азией [20, с. 86–92]. К сожалению, даже на современном этапе россияне воспринимают границу как угрозу [31, с. 171–178].

На границе Благовещенск – Хэйхэ происходит активное контактирование, пересечение и смешивание двух неродственных языков – русского и китайского. Уникальность языковой ситуации в этом дальневосточном регионе состоит в том, что в нем используются для коммуникации разные языки – языки народов, проживающих здесь. Исследователи отмечают, что русские заимствования вошли в северо-восточные диалекты китайского языка – харбинский и хэйхэский – из русско-китайского пиджина [27, с. 76–80]. Пиджин – это новый язык, который формируется и развивается из-за необходимости общения среди людей не имеющих общего языка. Когда люди, говорящие на разных языках, осуществляют постоянную коммуникацию появляются новые разновидности языка, которые носят название «контактные варианты» – пиджин [39, с. 16]. Люди в новом гибридном сообществе используют пиджин в повседневности, и некоторые из них переходят к нему в качестве основного языка, на котором они говорят со своими детьми. За счет этого пиджин используется расширенно. Дети, растущие в этом контексте, приобретают расширенный пиджин как родной язык (или первый язык), и пиджин становится языком их сообщества. На этом этапе он называется креольский язык [Там же, с. 18]. Креольский язык, можно считать сложившимся гибридным языком или лингвистической гибридизацией. Пиджин часто связывают с колониальной историей и считают его результатом колониализма [36, с. 22–24]. Рассматриваемый нами пиджин является следствием торговых и культурных обменов на границе между русским и китайским этносами. Заимствование слов и образование новых является не только языковым явлением, но и результатом взаимных контактов различных культур в истории. Полиэтничность в Амурском крае и в целом на Дальнем Востоке сопровождалась функционированием различных языков и языковых форм, кроме того, существовали контактные, редуцированные языковые образования для коммуникации русских и китайцев. Русско-китайский пиджин возник во второй четверти XVIII в. в приграничных городах – русской Кяхте (Троицкосавск) и китайском Маймачене [4, с. 62–67] и в конце XIX – начале XX вв. в Харбине. В Харбине возник особый язык – харбинский русско-китайский пиджин [10, с. 122–128]. Во второй половине XIX в. активно функционировал неофициальный контактный язык для общения русского и китайского населения края в ситуациях торговли. Этот язык является русско-китайским пиджином – гибридным языком [19, с. 7–25]. Тесный контакт между двумя неродственными языками стал возможен, когда на границе России и Китая в результате строительства КВЖД и последующих событий в России 1917 г. – гражданская война, массовая иммиграция русских и др., сосуществовали два языка – пришлый русский (язык русской иммиграции) и местный – китайский. Контактное взаимодействие происходило первоначально в устной форме, в результате чего возник русско-китайский пиджин, затем пиджин использовался в письменной форме получая свое графическое осмысление [26, с. 144–152]. В конце 50-х годов XX в. харбинский русско-китайский пиджин постепенно исчез. Исторические обстоятельства влияли на качество языковой ситуации на фронтире и обуславливали его динамику [19, с. 7–25].

Другой приграничной парой городов являются Кяхта – Маймачен. По сведениям отечественного этнографа Максимова С.В., торговля между двумя империями Китая и России началась во второй половине XVII в. [11, с. 531]. Кяхта – Маймачен образовали первый официальный центр торговли на российско-китайской границе в XVIII в. Оба города были построены на «пустом месте» по воле императорских властей для регулирования торгового оборота и пресечения нелегальной торговли [17, с. 21–46]. Пограничная крепость на реке Кяхте была заложена в 1727 г. (в год подписания Кяхтинского договора). Вокруг крепости

начал активно формироваться торговый город, а в 1805 г. Троицкосавск (Кяхта) получил статус города. Кяхту того времени называли «пустынной Венецией» и «сибирским Гамбургом». В 1730 г. с китайской стороны границы на монгольской территории началось строительство Маймачэна 買賣 (кит. маймай – купля, продажа, торговля) и 城 (кит. чен – город, квартал) – «город, где продают и покупают». Первоначально в Маймачене поселялись выходцы из китайской провинции Шаньси, активно занимавшиеся торгово-ростовщической деятельностью. Начиная с 1772 г., Кяхта становится единственным законным местом ведения российско-китайской торговли. В 1775 г. ее удельный вес составлял 8,3% от общего объема торгового оборота Российской империи. В XVIII в. весьма весомыми являлись поступления от таможенных сборов с оборотов китайско-российской торговли, приходившейся именно на Кяхту. Кяхта являлась исключительно торговым поселением, в нем жили исключительно только мужчины – торговцы, чиновники и военные [25, с. 190–197]. Первоначально пригранична торговля была меновая. Предметом обмена с китайской стороны были чай, тростниковый сахар, шелк, бумажная материя (китайка-даба), скот. С российской стороны – пушнина, суна, юфть, железо, медь в изделиях, живой скот [22, с. 28–36]. Особую роль сыграла отмена в 1762 г. государственной монополии на торговлю пушниной, именно поэтому в Кяхте возросло число купцов, занятых частной торговлей [3, с. 20–24]. Русский этнограф Максимов С.В. отмечает, что в результате такой торговли у китайцев денег столько, что лопатой не прогрести, а у русских чаю столько, что самый горький бедняк не умеет без него обходиться [11, с. 489].

Кяхта – Маймачен сочетали в себе гибридную планировку, смешивающую в себе две относительно самостоятельные части – китайскую и русскую. Дома в Маймачене строились в китайском стиле, однако внутри зданий обнаруживались китайские и русские элементы. Особенно это была мебель и бытовые предметы. В домах появлялись русские печи, кровати и зеркала. Во многих домах имела баня. Кяхта с Троицко-Савской крепостью, посадом и гостиним двором служила образцом внешнего облика российского поселения [25, с. 190–197]. Путешественник А. Мичи замечает, что в Кяхте особенно занимаются модами, за которыми следят портные и модистки. «Кяхтинцы носят весьма дорогие шубы и пьют английский портер» [16, с. 70–71]. Позади Маймачена находился луг – нейтральная территория между Россией и Китаем. Там можно было встретить сибирских крестьян, монголов, калмыков, тунгусов, бурятов, китайцев в длинной шелковой одежде, русских офицеров в мундирах, русских купцов в кафтанах, забайкальских казаков [Там же, с. 68–69].

В этой контактной зоне функционировал кяхтинский пиджин или российско-китайский пиджин, который представляли собой набор по большей части русских, китайских, а также некоторых монгольских слов в структуре китайского предложения [18, с. 144]. Отечественный этнограф Максимов С.В. замечает, что русские торговцы в Кяхте так и не выучили китайский язык, но успешно освоили торговый язык – кяхтинский пиджин [11, с. 530]. С одной стороны, Кяхта – Маймачен представляли собой единство двух непохожих социокультурных типов, а с другой новое культурное пространство – гибридное пространство на российско-китайском фронтире. В начале XIX в. в российском обществе восприятие Кяхты превращалось в некую легенду – культурную и экономическую утопию.

Одним их уникальнейших торговых центров на Амуре являлся г. Нерчинск. Торговля в Нерчинске велась активно. Город имел гостиный двор по образцу восточных караван-сараяв, где можно было встретить туркмен, маньчжуров, русских, а также монгольские и тунгусские народы. Также по Амуру в Нерчинск приезжали немецкие и американские торговцы из Калифорнии. Главными предметами торговли являлись чай, порох, свинец и меха. Через 30 лет после основания Нерчинска Китай заключил первый договор о границе с Россией [16, с. 181–183]. Отметим, что в течении полутора веков Россия была единственной европейской нацией, которая вступила в международные соглашения и поддерживала официальные торговые отношения с Китайской империей [37, с. 1–27].

В XIX – начале XX вв. на российско-китайском фронтире продолжалось строительство и совершенствование городов-крепостей. Царская власть стремилась получить выход к незамерзающим морям. На Тихоокеанском побережье приоритеты градостроительно-оборонительного развития получали Охотск, Петропавловск-на-Камчатке, Николаевск-на-Амуре, Владивосток, Порт Артур. Основание в 1850 г. Николаевского поста в устье Амура утверждало принадлежность Приамурья России и формировало новый, речной, выход России к Тихому океану. К концу 1850-х гг. порт Николаевск-на-Амуре начали посещать торговые суда из Сан-Франциско, Бостона и Гамбурга [8, с. 249–255].

В этот период становятся заметными явления и процессы, связанные с модернизацией: урбанизация, развитие торговли, промышленного производства и др. [21, с. 25–33]. В 1898 г. династия Цин пошла на подписание с Россией конвенции об аренде Ляодунского полуострова. Город Дальний (Далянь) объявлялся открытым для иностранной торговли, туда был предоставлен свободный доступ коммерческим судам всех стран.

Генеральный план и проект планировки Даляня был разработан Сколимовским К.Г., который исходил из концепции отделения китайского города от европейской части просторным городским парком-питомником. Далянь концентрировал в себе большое количество представителей различных этносов, слоев, не привыкших к оседлой жизни. Комиссия по обустройству обращалась к опыту приморских городов – Одессы, Севастополя, Керчи. Далянь, Порт-Артур и Харбин имели схожую планировку, сочетали в себе две самостоятельные части – китайскую и европейскую.

Большинство европейских тенденций были инкорпорированы из Москвы и Санкт-Петербурга. В основу проектов новых городов, возникавших на заре нового века, была заложена идея города-сада [9, с. 668–675]. По сведениям русского генерал-лейтенанта А. Верещагина Порт-Артур – это морской город, построенный на горах, где нет больших роскошных зданий, а жилые лачуги построены не то на китайский, не то на русский, не то на японский манер.

В Даляне не трудно найти примеры лингвистической гибридации. Для всеобщего сведения постановлений, объявлений, предписаний и прочего использовались китайский, русский и английский языки. А на морском балу в Порт-Артуре распорядитель танцев оповещал публику на французском: «Grand rond! Changes de dames!» [5, с. 50].

Со временем в Российской империи постепенно возрастал интерес к Маньчжурии, которые стремились переселиться в Китай, а такие названия, как Порт Артур и Дальний стали популярны по всей России [24, с. 144–150].

Данные фрагмент фронтирной типологии показывает, что у феномена приграничья и границы нет предела, так как ни физическое ни культурное пространство не заканчивается какой-либо чертой.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII – середина XIX вв. – Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1986. – 336 с.
2. Бляхер Л.Е., Зеликова Ю.А. Культурные особенности экономического трансграничного взаимодействия (на примере Хабаровска и Санкт-Петербурга) // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – №1(7). – С. 90-102.
3. Брумфилд У. Кяхта // Родина. – 2011. – №12. – С. 20-24.
4. Ван К. Языковые контакты Китая и России // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Социологические науки. – 2016. – №3(11). – С. 62-67.
5. Верещагин А. В Китае. Воспоминания и рассказы 1901-1902 гг. С рисунками и портретами. – Санкт-Петербург: Издатель В. Березовский, 1903. – 227 с.
6. Ершов М.В. Образы фронта при колонизации Северной Америки и Сибири // Вестник урovedения – 2011. – №4(7). – С. 125-135.

7. Зуев А.С. Механизмы адаптации сибирских народов к российской власти во время присоединения Сибири к России (конец XVI – начало XVIII века) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2014. – №8(13). – С. 57-71.
8. Касьянов Н.В. Российские города-крепости конца XIX – начала XX веков на побережье Тихого океана // Вестник ВолгГАСУ архитектурно-строительного университета. Серия: строительство и архитектура. – 2013. – №31-1(51). – С. 249-255.
9. Корчагина О.А. Города-сады Дальнего Востока в начале XX века: Дальний, Порт-Артур, Харбин // Актуальные проблемы теории и истории искусства. – 2016. – №6. – С. 668-675.
10. Ма Н. Харбинский русско-китайский пиджин первой половины XX века и его влияние на русский и китайский языки и культуры // Философский науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – №8(50). – С. 122-128.
11. Максимов С.В. На Востоке. Поездка на Амур. Дорожные заметки и воспоминания. – Санкт-Петербург: Издательство книгопродавца С.В. Звонарева, 1871. – 594 с.
12. Мещеряков А.Ю., Антропов О.К. Русская диаспора на китайской земле: вариант культурной гибридности // Журнал фронтирных исследований. – 2017. – №2(6). – С. 30-58.
13. Мещеряков А.Ю., Якушенкова О.С. Культурная гибридность в условиях урбанистического ландшафта // Культурная жизнь Юга России. – 2017. – №4(67). – С. 57-60.
14. Михайлова Е.В. Роль трансграничного территориального образования Благовещенск-Хэйхэ в российско-китайском приграничном сотрудничестве // Россия и Китай: История и перспективы сотрудничества. – 2013. – С. 297-300.
15. Михайлова Е.В. Благовещенск и Хэйхэ: «города-близнецы» как туристический территориальный бренд. Россия и Китай // История и перспективы сотрудничества. – 2014. – №4. – С. 506-512.
16. Мичи А. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири. – Санкт-Петербург, Москва: Издательство книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1868. – 351 с.
17. Намсараева С.Б. Миграции во Внутренней Азии цинского периода: диаспоры «контактной зоны» Кяхта-Маймачен // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2013. – №1. – С. 21-46.
18. Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. – Благовещенск: АмГУ, 2007. – 262 с.
19. Оглезнева Е.А. Языковая ситуация в Приамурье: динамический аспект историко-лингвистический очерк // Слово: фольклорно-диалектический альманах. – 2011. – №9. – С. 7-25.
20. Окунев И.Ю., Басова Д.В., Тисленко М.И. Особенности формирования идентичностей в ситуации пространственной инверсии (на примере Благовещенска и Хэйхэ) // Вестник МГИМО университета. – 2015. – №6(45). – С. 86-92.
21. Побережников И.В. Актеры российской имперской модернизации: региональные кейсы // Азиатская Россия: люди и структуры империи. – 2016. – С. 25-33.
22. Попова И.Ф. Торговля России и Китая через Кяхту и Маймачен // Mongolica – 2013. – №11. – С. 28-36.
23. Романова А.П. Специфика межкультурных коммуникаций на фронтирных территориях. – 2015 – №3(44). – С. 266-271.
24. Самойлов Н.А. Российские планы организации управления городом Дальний на рубеже XIX и XX вв. // Вестник СПбГУ. История. – 2008. – №4(1). – С. 144-150.
25. Самойлов Н.А. Кяхта и Маймачен: геокультурное пространство взаимодействия России и Китая в XVIII-XIX вв. // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2009. – №4. – С. 190-197.

26. Цзян И., Шипановская Л.М. Русские заимствования в китайском языке как результат языковых контактов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №7-1(61). – С. 144-152.
27. Шипановская Л.М. Языковые контакты на приграничной территории // Языки в различных сферах коммуникации. – 2016. – С. 76-80.
28. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – Санкт-Петербург: Издание И.М. Сибирякова, 1892. – 720 с.
29. Якушенков С.Н. Фронтир как культурная парадигма // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – №1(42). – С. 288-298.
30. Якушенков С.Н. На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят // Журнал фронтирных исследований. – 2016. – №4. – С. 7-32.
31. Якушенков С.Н. Гетеротопия границы, или должна ли быть граница на замке // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2017. – №4(53). – С. 171-178.
32. Якушенков С.Н. & Якушенкова О.С. Изобилие ресурсов как одна из черт фронтирных территорий // Человек. Сообщество. Управление. – 2013. – №2. – С. 4-15.
33. Якушенков С.Н. & Якушенкова О.С. «Власть земли»: формирование новой инаковости в условиях фронта // Журнал фронтирных исследований – 2016.– №1.– С. 9-21.
34. Burke P. Cultural Hybridity. – Cambridge: Polity Press, 2009. – 142 p.
35. Dmytryshyn B. The administrative apparatus of the Russian-American Company, 1798-1867 // Canadian-American Slavic Studies. – 1993. – №28(1). – P. 21-24.
36. Drechsel E.J. Language Contact in the Early Colonial Pacific. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 333 p.
37. Lin T. The Amur Frontier Question between China and Russia, 1850-1860 // Pacific Historical Review. – 1934. – №3. – P. 1-27.
38. Morley J.M. (1957). The Russian Revolution in the Amur Basin // American Slavic and East European Review. – 1957. – №4(16). – P. 450-472.
39. Siegel J. The Emergence of Pidgin and Creole Languages. Oxford: Oxford University Press, 2008. – 320 p.
40. Stolberg E.M. Siberia – Russia’s Wild East. Some Notes about Frontierism, 1890-1915 // Сибирская заимка. – 07.01.2001. История Сибири в научных публикациях [Электронный ресурс]. URL: <http://zaimka.ru/stolberg-frontierism> (Дата обращения 07 01 2018 г.).

